

Он закрыл глаза, укладываясь с колотящимся преданным сердцем, и со вздохом тоже заснул.

Когда он встал на следующее утро, мысли Гу Юаньбая все еще были тусклыми.

Но после хорошего дневного отдыха у него, по крайней мере, хватало сил встать с постели. Сегодняшний утренний суд был отложен, и все, кому было что сообщить в суде, пришли в боковые залы зала Сюаньчжэн.

Двор не мог посвятить все свое внимание борьбе с коррупцией, и за процесс отвечали только представители императорского двора, канцелярии омбудсмана и Дун Линь Вэя, а также Да Лиси и министерства чиновников, которые также отвечали за губернатора Ли Чжоу, в то время как у остальных были свои дела.

Люди из шести министерств и двух провинций собрались в зале Сюаньчжэн, обсуждая три вещи. Первая - строительство дорог, вторая - отправление войск на границу, третья - открытие торговли.

После разговора Гу Юаньбай на некоторое время замедлился, он был в некотором трансе. В конце концов, именно министры не выдержали и заявили, что подождут, пока они вместе не разработают хартию, прежде чем представлять ее на утверждение Его Величеству.

Гу Юаньбай медленно кивнул головой и велел им уходить.

Когда придворные ушли, Гу Юаньбай закрыл глаза от слабости.

Он подумал про себя, что наконец-то понял, почему древние императоры хотели жить вечно.

Не обязательно потому, что они жаждали власти и тосковали по молодости, но это могло быть и бессилие императора, который намеревался что-то сделать, но не мог этого сделать.

Он хотел прожить еще немного, совсем немного, чтобы успеть сделать больше, чтобы еще немного реализовать свои амбиции.

Гу Юаньбай шутил сам с собой, но кто может прожить 500 лет?

Сколько бы амбициозных и древних императоров ни было под небесами, они не проживут и пятисот лет.

Он очень бессилен.

Это также очень печально.

Но без этого никак не обойтись.

Гу Юаньбай некоторое время скорбел, но все же открыл глаза. Он позвал Тянь Фушэна и сказал:

— Скажи людям в Цзин Хунане, чтобы они ускорились.

В целом мире Гу Юаньбай мог оставить своим потомкам другие вещи, но не это.

Кроме Гу Юаньбая, любой, кто прикоснулся к восстанию, мог быть опрокинут.

Поэтому Гу Юаньбай должен был ускориться, он всегда чувствовал, что эта болезнь была как еще одно напоминание от Бога, что его жизнь не продлится долго.

Эта трагическая мысль продолжалась до полуденного купания.

Императорский врач сначала измерил пульс Гу Юаньбая, но, сделав это, вздохнул с облегчением и сказал:

— Состояние Его Величества снова стало улучшаться.

Гу Юаньбай замер, он нахмурился, думая, что императорский врач взял неправильный пульс:

— Моя голова все еще болит.

Императорский врач улыбнулся и сказал:

— После двух дней купания в лечебной ванне вы должны быть в порядке. Ваше Величество установили обогреватель прошлой ночью? Я думаю, что Вашему Величеству следовало хорошо отдохнуть вчера, пока он хорошо отдыхает, его болезнь пройдет.

Гу Юаньбай задумался и слегка кивнул головой:

— В таком случае, я понимаю.

Должно быть, именно потому, что Сюэ Юань всю ночь согревал его постель, согревая его всю ночь, сегодня он чувствовал себя лучше.

Ответ был очень осторожным, но было очевидно, что на сердце у Гу Юаньбая стало легче.

У регента и будущего министра власти нет первых признаков успеха, даже если это фон, это должен быть фон, который еще жив.

Личность царя так глубоко спрятана, что окружающие его люди даже ничего не заметили, а царь уже убедил себя.

Перед дверью дворца Сюэ Юань стоял прямо, но немного задумавшись. Окружающие его коллеги просили его рассказать им больше о границе и поле боя, но Сюэ Юань был слишком ленив, чтобы сделать это, идеально приложив кончик языка к небу и выплюнув несколько слов:

— Я не знаю.

Охранники были настолько взбешены, что остолбенели.

Из окон дверей доносился запах лекарств, к которым привыкаешь, и они пахли хорошо. Сюэ Юань сделал несколько глубоких вдохов лекарственного запаха, его брови были сжаты

Не существовало такого понятия, как чудо-доктор.

Нервы были напряжены, а мысль о том, что молодой император серьезно болен, выводила его из себя настолько, что он готов был взорваться.

Из середины дворца вышел человек и пригласил Сюэ Юаня войти. Сюэ Юань поджал губы, поднял свой официальный халат и большими шагами вошел во дворец.

Дворцовый служитель провел Сюэ Юаня за ширму, и после того, как Гу Юаньбай узнал, что его жизнь пока в безопасности, его интерес к работе вновь разгорелся с новой силой. Его голос был затуманен и размыт парами целебной ванны:

— Сюэ Цзю Яо, я хочу услышать, как ты снова говоришь о пограничных делах.

Сюэ Цзюяо сделал паузу, посмотрел на цветы и птиц на экране и сказал медленным голосом:

— Хорошо.

Большая часть того, что произошло на границе, - это шторм, опасность, стыд и оцепенение.

Жестокость была пройдена одним махом, но после этого удара Сюэ Юань с удивлением обнаружил, что ему нечего сказать Гу Юаньбаю.

Пейзажи северной границы, естественно, не воспринимались как пейзажи теми, кто прожил там долгое время. Жители северного приграничья, армия - это просто не люди внутри и снаружи.

Затем Сюэ Юань рассказал Гу Юаньбаю о не очень жестокой стороне жестокости.

Он говорил не слишком медленно, но Гу Юаньбай внимательно слушал. Когда Сюэ Юань закончил, вода, в которой купался Гу Юаньбай, нагрелась.

Люди внутри прислуживали Его Величеству, одеваясь и вытирая его, а Сюэ Юань опустил голову и смотрел с края экрана на свои сапоги.

Предпочтения молодого императора должны быть чистыми и элегантными, и он должен быть джентльменом, который любит поэзию и песни. Но Сюэ Юань не был джентльменом.

Молодой император очень любил Чу Вэй.

Чу Вэй видел молодого императора реже, но каждый раз молодой император и Чу Вэй хорошо разговаривали.

Сюэ Юань слабо подумал:

"Что за хрень..."

Придержи язык.

Гу Юаньбай надел одежду, полуденное солнце было самым сильным и интенсивным, и после лечебной ванны, которая прогнала холод, он даже не знал, был ли это пот или пар на его лице.

Когда он вышел, он увидел выражение лица Сюэ Юаня и небрежно спросил:

— О чем думает капитан Сюэ?

Сюэ Юань подсознательно взглянул на Гу Юаньбая, все тело его величества было пропитано водой, которая была бело-красной, и все тело Сюэ Юаня покалывало:

— Я думал об этом экране.

Гу Юаньбай небрежно сказал:

— Раз уж капитану Сюэ нравится этот экран, то он будет наградой для капитана.

Сюэ Юань замер, а Гу Юаньбай уже вывел своих людей из дворца, по пути унося с собой аромат.

Воспользовавшись моментом, чтобы освежиться, Гу Юаньбай поспешил заняться государственными делами. К тому времени, когда он лег в постель после вечерней трапезы, он снова почувствовал усталость и дискомфорт.

Сзади подошел человек, и Гу Юаньбай уже собирался заснуть от жары, когда услышал на ухо мягкий уговаривающий голос:

— Ваше Величество, вам нравится Чу Вэй?

Гу Юаньбай повернулся в его сторону, его брови нахмурились.

Сюэ Юань не сдавался:

— Ваше Величество, вам нравится лицо лорда Чу или его руки?

На сердце было мрачно.

Если вам нравится его лицо, вырежьте его, если вам нравится рука, отрежьте ее.

Сюэ Юань - культурный человек, он не занимается тем, что убивает и закапывает трупы.

<http://bllate.org/book/15154/1338880>